

УРАЛЬСКОМУ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМУ
ТАНКОВОМУ
КОРПУСУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОЭМА

Сергей Аркадьевич Паньков
Уральскому добровольческому
танковому корпусу
посвящается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70554370
SelfPub; 2024

Аннотация

Поэма, написанная слогом Золотого века русской поэзии посвящена истории Великой отечественной войны, подвигу народа на фронте и в тылу; в первой части поэмы- от предыстории войны, её начале и вплоть до Сталинградской битвы. Вторая часть поэмы полностью посвящена созданию и боевому пути Уральского Добровольческого Танкового Корпуса, от Орла и до Праги. Написана высокохудожественно и изящно, изобилует множеством метафор. Для самого широкого круга читателей.

Сергей Паньков Уральскому добровольческому танковому корпусу посвящается

С благодарностью историку Виктору Правдюку за сериал "Вторая мировая война. День за днём", в духе которого написана эта поэма.

УРАЛЬСКОМУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМУ ТАНКОВОМУ КОРПУСУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОДВИГ НАРОДА

Ушедшие в бессмертие- славны вовеки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Школьнику на 1-е сентября.

Мой юный друг, ты в школы лоно

В сентябрьский этот первый день,

Который впечатлений полон,

Ступил под дружескую сень,

Чтобы, не зная лени, скуки,

Освоив многие науки,

Тот знаний получить багаж,

Которые, в век новый наш,
Необходимы совершенно,
Чтоб жизни твоей взрослой чёлн,
Одoleвая натиск волн,
Ведомый знанием бесценным,
Уверено пришёл к берегам,
Которые избрал ты сам.

Непросто мир устроен этот;
Непросто и постичь его.
Но над невежеством победа,-
Победа света самого
Над тьмой; Познания веками,
Учёных мудрецов трудами,
Росли и множились для нас;
И предстоит тебе сейчас,
Грызая гранит предметов многих,
Постичь законы их и суть;
И, провождая в этот путь,
С учителем, порою строгим,
Но любящим, однако, вас,
Я говорю вам: в добрый час!

Но, кроме прочих знаний, кои,
Программой общей, юный друг,
За годы обучения в школе

Во множестве тебе дадут,
Наставники и педагоги,
За что признательности многи
Они получают, и не раз,
Хотел бы я тебе сейчас,
Без надоедливой доуки,
Но настоятельно при том,
Приподнести рассказ о том,
Что знаем мы, -героев внуки,
О героическом пути,
Что прадедам твоим пройти

Пришлось в те лихолетья годы,
Когда вопрос стоял ребром:
Нам отстоять свою свободу,
И победить врага при том,
Иль покориться супостату,
Чтобы сапог его солдата
Всё то, что свято нам, попрам,
Захватывал, порабощал;
Чтоб деспот, сдуру возомнивший
Что он владыкой мира стал,
Нас, как народ, уничтожал,
Нас "нелюдьми" провозгласивши,-
О том поэму, юный друг,
Прими из самых первых рук.

Зачем, -ты спросишь,— беспокоить
Твой неокрепший ум молодой
Жестокою картиной боя
В кровавой схватке мировой?
Зачем, оставив развлечения,
В благополучном дней теченьи,
Тебе об этом узнавать?
На то, мой друг, хочу сказать:
Когда б не подвиг тех героев,
С врагом вступивших в смертный бой,
То нас и не было б с тобой;
И незабвенен каждый воин,
Отдавший жизнь свою за нас,
Чтоб мирно жили мы сейчас.

Часть первая.

НАЧАЛО

Когда замолкли пушек грома
Кровавой Первой мировой,
Масштабом жертвы принесённой
Мир ужаснулся; под травой,
Могильной, миллионы многи ,
Как страшные войны итоги,
Лежали жертвою её,-

Кем пировало воронье,
Кто никогда уж не вернётся
Ни к детям, ни к жене своей.
Казалось, той войны страшной
Увидеть миру не придётся;
Что бог войны, жестокий Марс
Огромной жертвой сыт сейчас,

Что Рейх, который рухнул ныне,
Из праха не восстанет вновь;
И разум больше не покинет
Всё человечество, и кровь
Уже не будет больше литься,
И что Всевышнего десница
На созидание людей
Направит волею своей.
Увы, пора иллюзий эта
Промчалась, пронеслась, прошла;
И снова два своих крыла
Орёл германский на пол-света
Раскинул, требуя реванш,
Войдя опять в войны кураж.

Германский меч ковался снова;
И фюрера их гений злой
Ведёт германцев к бойне новой,

И снова- бойне мировой.
Нет, что-то было в нём от беса,-
И, демоном он не был если,
То бесноватым, точно, был.
Он Рейх создал, -он Рейх сгубил.
Но это- в будущем, а ныне
Он жадно смотрит на Восток;
И вторгнуться в славян чертог
Теперь, конечно, не преминет-
Ведь он своих военных сил
Уже довольно накопил.

И вот, война запылала,-
Сентябрьским утром началась;
И, первой жертвой, Польша пала,
И он плодов победы всласть
Вкусил от своего блицкрига.
Немецкое полякам иго
Большой ценою обошлось;
Но вскоре и другим пришлось,
Премногим испытать народам,
Машины Вермахта удар:
Париж, покорный, тоже пал,
И вот утратила свободу
Уже почти Европа вся.
Немецкий ввысь орёл взвился'

Над покорённым континентом
И крылья распростёр над ним.
Но остановится ль на этом?
О, нет, конечно же! За сим
Он подлю нападёт на росса;
Не побоится он колосса,
Ведом иллюзией своей,
Что нет Германии сильней,
И, веря, что Союз Советский
Стоит на глинянных ногах,
И что он сразу рухнет в прах,
Когда его солдат немецкий
Штыком или прикладом ткнёт,
Иль сапогом тяжёлым пнёт.

Вотще, ефрейтор бесноватый!
Когда б историю ты знал,
Австрийский выскочка проклятый,
Завету Бисмарка внимал,
Да не страдал бы амнезией,
О том, что воевать с Россией,
Никак Германии нельзя,-
Другая, верно бы, стезя
Тебя ждала. Но ты, не внемля,
Всем вразумительным словам,

И, на беду себе и нам,
На нашу вскоре вторгся землю.
Что ж! Всяк истории урок-
Как правило, увы,— невпрок.

Увы, в то время роковое,
Россия,— в те года- "Союз",-
Братоубийственной войною,
И, я сказать не побоюсь,-
Самоубийственной даже,
Великая Держава наша,-
Хоть сохранить себя смогла,-
Весьма ослаблена была.
Наследие разрухи страшной
Стремилась мы преодолеть,
Отстроить заново суметь,
Не проиграть; во дне вчерашнем
Стране фатально не застрять
И безнадёжно не отстать.

Страна все напрягала силы,
Саженым шагом шла вперёд;
Но, времени нам не хватило
И в сорок первый, адский год,
Ещё мы не были готовы
К войне Второй всемирной новой;

И враг, конечно, это знал
И времени он нам не дал,
Чтоб встали на ноги, окрепли;
И вот, в тот, самый длинный день,
Люфтваффе смертоносной тень
Легла уже на нашу землю...
Войны иной явилась новь:
Броня, моторы, бомбы, кровь...

Теперь была война моторов,
Манёвра,— новая война.
Мы в этом убедились скоро,—
Когда, незваная, она,
И смертоносная, грозою,
На нас обрушилась; косою
Своей теперь гуляла смерть...
Германцу удалось суметь,
Удар нам нанеся неожиданный,
В воинственный войдя кураж,
Потенциал военный наш
Побить, и не на поле бранном:
Без объявления войны,
Люфтваффе, с неба вышины,

Уже объекты поражало,
Когда Германии посол,

Хоть тем и был смущён немало,
В кремлёвский кабинет вошёл.
Дрожащим голосом, несмело,
И как-то даже неумело,
Граф Молотову зачитал
Тот меморандум, что прислал
Их фюрер, сумасшедший малость.
В нём слова не было "война",
Но что в том проку, коль она
Вовсю в то время полыхала?
Пришла огромная беда:
"-Война?"
"-По-видимому, -да."

Он, Шуленбург, был против этой
Безумной, пагубной войны
С великою "Страной Советов";
Но ведь послы принуждены
Исполнить приказанье свыше,
От гитлеровской власти высшей.
И, забегаю чуть вперёд,
Скажу: он в заговор войдёт,
И, наряду с другими, позже,
Он против Гитлера восстал;
Когда же их постиг провал,-
Нацистами был уничтожен.

Он, хоть Германию любил,
Но другом для России был.

И так, от Баренцева моря
До Чёрного -Армагедон.
Войну нам объявили вскоре
Приспешники со всех сторон,
Вассалы Гитлера в Европе;
Кто был на нас за что-то в злобе,
Или холуйствовал пред ним,
Иль по причинам, по другим,-
Собрались новые ландскнехты
В крестовый против нас поход.
Какой же ждёт теперь исход
Отечество, народ, всех тех, кто
Не хочет покориться им,
Кто перед Гитлером самим

Не пал покорно, раболепски?
В то время был большой вопрос:
А сможет ли Союз Советский,
Великий достославный росс,
И вместе с ним семья народов,
Не пасть и отстоять свободу?
Все те, кто с Запада смотрел,
И более всего хотел,

Чтоб штык германский обломался,
Чтоб немец, как Наполеон,
Побит в лесах, со всех сторон,
В снегах российских потерялся,
И, обескровлен, истощён,
В конце концов был побеждён,-

Теперь всё меньше уповали,
Что россы смогут устоять;
Теперь казалось: уж едва ли
Немецкую стальную рать
Хотя б остановить возможно,
Что росс последним вложит в ножны
Свой немощный, казалось, меч;
И свою землю уберечь
В войне он этой неспособен.
Так думали они тогда,
Германец смело шёл когда,
Апокалипсису подобен,
Когда вокруг горело всё
И пировало вороньё.

Война объявлена "Народной";
Но таковой,— потом она,
Чуть позже станет, -всенародной:
Грядёт Священная Война.

Пока же враг молниеносно
Осуществлял амбициозный
Блицкрига грандиозный план:
И в окружения капкан
Всё больше попадало наших
Военных кадровых частей,
Аэродромов, крепостей...
И горькую придётся чашу
Попавшим в плен потом испить;
Немногим суждено дожить

До светлых дней освобожденья;
А Вермахт всё идёт вперёд,
Не зная страха, изможденья,
Своей стальной машиной прёт
На Ленинград, Москву и Киев;
Вновь, как во времена Батыя,
Пришла смертельная беда,-
Теперь другая уж орда
Нахлынула стальной лавиной,
И снова, вместо их жилищ,
Славянам-ужас пепелищ
И смерти вновь оскал звериный,
И смерть безжалостно косит,
И иго снова нам грозит.

И вот уже захвачен Киев,
Уже в осаде Ленинград;
И сплошь известия плохие
Безостановочно летят.
Казалось, снова так случится,
Что, как в Европе, повторится
Блицкриг германский и у нас;
Однако же, на этот раз,
Теперь,— не как в Европе было
В недавние те времена,
Когда, побитая, она,
И противостоять не в силах,
Безвольно и позорно так
Выкидывала белый флаг.

Из громких Геббельса реляций
Народ немецкий и не знал,
Как русские умеют драться,
И, пусть пока росс отступал,
Терпел пока что пораженья,
Однако, в стойкости в сраженьи
Не уступал германцу он;
Не может трусостью клеймён,
Быть тот, кто дрался в рукопашной,
Кто самолёт вёл на таран,
Кто обескровленный от ран,

С гранатой шёл на танк бесстрашно,
Кто добровольцем на войну,
Детей оставив и жену,

В патриотическом порыве,
Коль Родина-воззвала-мать,
Шёл массово, узрев в призыве
Сыновий долг, что он отдать,
Священной клятвою с ней связан,
Великой Родине обязан.

Война, что русских потрясла,
В народную переросла
Теперь уже на самом деле;
Теперь народ, сплотившись, встал,
И даже те, кто проклинал
Быть, может, большевизм доселе,
Чтоб защитить свой дом родной,
Шли в яростный, нещадный бой.

Теперь немецкого блицкрига
Всё больше вязло колесо
В сопротивлении великом;
Всё более немецких псов
Себе могилу находили,
В земле, которую решили
Военной силой отобрать,

Наслав неисчислиму рать.
Кресты железные на шее
Уже берёзовым крестом
Заменой были им потом,-
Закономерный для злодеев
И поучительный финал
Теперь врага в России ждал.

Но до Победы путь был долог;
Пока шёл сорок первый год.
Теперь к столице рвётся враг,
И всё растёт число невзгод,
Что, как из рога изобилья,
Как будто, на люфтваффе крыльях,
На нас, проклятые летят:
Уже блокадный Ленинград
Без продовольствия оставлен,
Под Вязьмой, Брянском, вновь "котёл",
Германский вновь парит орёл,
И на Москву теперь направлен
Их операции "Тайфун",
Решающий, казалось, штурм.

Кто защитит теперь столицу?
Казалось, немцу путь открыт;
Последним штурмом навалиться,

Казалось, и российский щит
Падёт под их мечом крушащим;
Но силе их превосходящей
Самоотверженность людей
В защите Родины своей
Неодолимою преградой,
И стойкой, встала на пути.
И не дадут врагу пройти
Из ополчения отряды,
Несчётно коих полегло,
Но кто остановили зло,

С дивизиями из Сибири;
И в подмосковных тех снегах
Они врага остановили,
А многих и повергли в прах.
Теперь мы сами наступленье,
Решительно, без промедленья,
Уже готовили, своё:
Добить фашистское зверьё,
Как, некогда, Наполеона
Великой армии самой,
Той достопамятной зимой,
Пришлось в снегах погибнуть оных,-
Так, думали, и немца мы
Побьём в течении зимы.

Но немец крепче оказался
Наполеоновской орды;
И, хоть побитый, он не сдался,
И, отступивший, до поры,
Готовился он к схватке новой.
К зиме российской не готовый,
Всё ж выстоял, однако, он;
И ни разбит, ни побеждён
Увы, пока он нами не был.
Хоть план и провалился их,
Но уничтожить их самих
Всё также бьющихся свирепо,
Нам в зиму ту не удалось;
Хотя и лихо им пришлось.

* * *

Ты знаешь, юный мой читатель:
Былинных лет богатыри,
Русь защищавшие в года те,
Давно уж кои утекли
И канули теперь уж в Лету,
Лет тысячу, быть может, где-то,
А то- и более, назад,-
Как летописи говорят,
Имели меч, копьё да сбрую,

Кольчугу, палицу да щит;
И тем враг был – всего лишь, бит.
Потом, в эпоху уж другую,
С изобретеньем порохов,
Стал лик войны уж не таков:

Теперь загрохотали пушки
И нарекли их: "Бог войны";
И порох стал донельзя нужен,
Медеплавильные нужны
Для их литья теперь заводы;
И, в достославные те годы,
Царь Пётр Великий, на Урал
Татищева отправив, дал
О том наказ ему державный:
Заводы строить, плавить медь,
Дабы орудия иметь
И побеждать врагов злонравных,
На поле боя и в морях;
Чтоб в войске и на кораблях

В достатке было пушек новых.
И, в устье Егошихи вот,
В прикамских девственных дубровах,
Заложен здесь, у нас завод.
Так Пермь когда-то зарождалась;

И с ней история писалась
Великих всех трудов, побед,
Трёхсот, на протяженьи, лет.
Но век двадцатый- век моторов.
Теперь, в войне чтоб победить,
Нам супостата нужно бить
Не как во времена монголов,-
Мечом в кольчуге, со щитом,-
Теперь немного проку в том.

Господствует на поле боя
Теперь, одетое в броню,
Оружие совсем другое.
И лишь железному коню
Под силу стало в наступленьи
Победу одержать в сраженьи
И оборону одолеть,
Неся врагу разгром и смерть.
Перед войной ещё, в те годы,
Продукцию, что для войны,
Увы, на западе страны,-
КБ научные, заводы,-
Производили в основном;
Смертельная опасность в том

Теперь Отечеству грозила:

Чтоб от бомбёжки их спасти,
Правительство тогда решило
Их на Восток переместить.
Урал опорой стал державы;
Где прежде дикие дубравы
Шумели, до времён Петра,
Теперь стояли города;
И недра щедрые давали
Стране и уголь и металл,
И наш народ всё отдавал,
Что мог он, чтобы побеждали
Прикамья, в том числе сыны
На поле боя той войны.

Теперь бессчётно эшелонов
В эвакуацию неслось;
Порой, и для скота в вагонах,
Рабочим ехать в них пришлось;
К нам, в Молотов, в Свердловск, в другие
Большие центры, заводские,-
Вдали от фронта, в города,
Шли друг за другом поезда.
В бараках размещались люди,
В землянках даже иногда;
И подвиг тех людей труда
Пока мы живы- не забудем,

Победу кто в тылу ковал
И всё, что нужно фронту дал.

"В Химград." Куда? Где этот город?
В краю и в области какой?
Где нынче будут делать порох?
В секретности тех дней большой,
Рабочие, входя в вагоны,
Заполненные эшелоны,
Куда отправят их теперь
Не ведали; но вскоре Пермь
Их приняла и разместила:
"-Тут станция Химград?" "-Курья!"
В суровых буднях, без нытья,
Чрезмерно напрягая силы,
Чтоб росс фашиста победил,
Ковал победу русский тыл.

Боеприпасы, пушки, порох, -
Всё невозможно перечесть,
Давал Урал- страны опора
Для Родины, для нашей; здесь,
Как и по всей стране Великой,
Народ, от мала, до велика,
Сплотился, в трудовой встал строй,
Чтоб в смертной бойне мировой

Защитник был наш обеспечен
Всем, нужно что, чтоб победить,
Чтоб супостата мог он бить,-
Народ трудился безупречно;
Подростки, женщины уже,
Чтоб заменить отцов, мужей,

Тех, что ушли и воевали
За Родину свою, на фронт,
Заместо них к станку вставляли
За это- низкий им поклон.
Пришла весна сорок второго...
И небо, заревом багровым,
Сулило снова лишь одно:
Опять Титанам суждено
В сражении сойтись нещадном,
Которое должно решить,
В войне кто должен победить;
Германец, хоть, побит изрядно,
Исполнен рвения опять
Реванш за поражение взять.

Но где ударит он, проклятый?
Мы на Москву удара ждём,
А Гитлер, враг славян, заклятый,
Пойдёт совсем другим путём:

Удар он свой на юг направит,
И вновь нас отступить заставит;
На Сталинград и на Кавказ-
План генеральный в этот раз.
Ему российская столица
Теперь уже не так важна:
Ведь, дозарезу нефть нужна,
А то- грозит остановиться,
Военная машина вся,
В войне с Россией крах неся.

Бить немца летом,— то доселе
Не удавалось никому;
И поражение мы терпели
Под Харьковом и на Дону.
В июне был Ростов захвачен;
Ужели навсегда удача
Лик отвернула свой от нас?
Неужто, Сталинград, Кавказ
Падут под натиском германца?
И враг, казалось, так силён,
Что Волгу перережет он.
И миру стало вновь казаться,
Как в сорок первом том, опять,
Что мы не сможем устоять.

Хоть героически сражались
Отчизны верные сыны,
В тылу все силы напрягались,
Чтоб победить смогли они,
Но свастика над Волгой вскоре,
Неся огромное нам горе,
Явилась в августовский день:
Немецких самолётов тень,
Возникла вдруг над Сталинградом;
И начался крошечный ад:
И стёрт в тот день был Сталинград,-
Врата разверзлись, будто, ада:
Горела даже Волга, – нефть,
Пылала, разлившись по ней,

Весь город пламя пожирало;
А то, что не могло гореть, -
Бомбардировкой разрушало
Люфтваффе, всюду сея смерть.
И города в тот день не стало...
Но это было лишь начало
Жестокой битвы, что потом
Ознаменует перелом,
Что мира потрясёт народы;
Провозглашён один завет:
"Для нас земли за Волгой нет!"

Во все войны проклятой годы,-
И до, и после,- нет другой
Свирепой, яростной такой,

Как в Сталинграде битвы страшной;
За пядь земли, за каждый дом
Сражались, вплоть до рукопашной,
В ожесточении святом.

Кромешный ад и днём и ночью:
Везде, кругом всё рвётся в клочья
От мин, снарядов и от бомб;
Полк прибывает за полком,
И в бой немедленно вступает
И то, что враг захватит днём,-
Наш, под неистовым огнём,
Обратно ночью отбивает.
Так в битве день за днём идёт,
И вот уж осень настаёт;

И в схватке уступить, жестокой,
Ни мы не можем, ни они;
Хотя потерь уже премного
Понесено за эти дни.

Но враг, потери не считая,
Всё рвётся к Волге, полагая,
Что только Сталинград падёт,-

И окончательная ждёт
Их грандиозная победа.
Они не ведают о том,
Что грандиозный ждёт разгром
И песенка их будет "спета",
И смерть их выкосит сама,
Едва лишь русская зима,

В права свои вступивши вскоре,
Им тут устроит "белый ад";
Им, всей Германии на горе,
Отныне будет Сталинград
На свете словом самым страшным.
Им не вернуться в день вчерашний,
Где от победы, от одной,
Они, блистательно, к другой
Шагали, страны покоряя,
Блицкригом поражая мир,
А бесноватый их кумир,
Над ними флаг свой развевая,
Кричал тогда: "Великоросс-
На глиняных ногах колосс!"

Когда зима, покровом снежным,
Покрыла, в ноябре, поля,
Окрест лежащие безбрежно,

Вдоль Волги узкая земля
Ещё удерживалась россом;
Казалось- не было вопросом,
Что будет и она взята,-
Вдоль берега полоска та,-
Падёт, захвачена фашистом,
Что удержать её нет сил.
И Гитлер сам провозгласил
В Рейхстаге, как всегда, неистов,
Что пал, захвачен Сталинград.
Однако, город не был взят.

Защитники ещё держались
На бреге из последних сил,
И так же яростно сражались,
Когда гром пушек возвестил
Апофеоз тому сраженью:
Ударив с флангов, в наступленье,
Едва утих орудий гром,
Устроивших врагу разгром,
Пошёл безудержной лавиной,
Всесокрушающей волной
Войск наших натиск штурмовой
На потрясённого румына,
Что с флангов немца прикрывал;
Который вовсе не желал

В снегах российских насмерть драться
Тут, за германский интерес;
Зачем вообще ему сражаться
И устилать телами здесь,
В снегах, бескрайнюю равнину?
И поражённые румыны,-
Кто страхом, кто снарядом,-все,
В широкой фронта полосе
Всё бросив, дружно драпанули,
Свои спасая шкуры, в тыл.
И вот он, славный, наступил
Тот час, когда в "котле" замкнули
Шестую армию врага;
Теперь глубокие снега

Да выюга, да пурга, их будут
Лишь безысходностью кормить,
А гибели картины всюду-
В отчаяние приводить.
Исполненный своих амбиций,
Им запретил отход с позиций
И отступление, фюрер их.
Он самолётов грузовых
Велел направить для снабженья
Отрезанных, в котле частей;

В плену иллюзий, он, злодей,
Уверен: хоть и с напряженьем,
Но немец выстоит, пока,
Направленные им войска

Всёсокрушающим ударом
Кольцо блокады разорвут;
И, хоть в "котле" припасов мало,
Люфтваффе их не подведут,
И обеспечат им снабженье,
Частям, попавшим в окруженье,-
Пока Манштейн до них дойдёт,
Пока блокаду не прорвёт.
Манштейну приданные силы
Назвали группой армий "Дон".
Великим был стратегом он;
Но наша армия явила
И героизм, и стойкость ту,
Что и ему невольно,

"Не по зубам", задача стала;
Сначала обескровлен, он,
Там понесся потерь немало,
Был откатиться принуждён.
Фатальной битва оказалась;
Вот так история писалась,

И каждый знал у нас солдат:
Они историю творят,
И, даже не России, – мира!
Им невозможно отступить,
И к Сталинграду допустить,-
Где смерть врага уже косила,-
Манштейна танки здесь никак;
И был отброшен ими враг.

В дни битвы этой жесточайшей,
Когда горяч был даже снег,
Где выстояли деды наши,-
Которой, в мире человек
Нигде и никогда доселе
Не испытал, – они сумели
Остановить, разбить врага;
Хоть, и не полностью пока.
Средь подвигов, бессчётно коих
В скрижали вписано в те дни,
Мы упомянем тут один;
Одних из множества героев
Мы памятью вознаградим
И славы долг им воздадим:

Манштейн всё рвался к Сталинграду,
И, с натиском железным, шёл;

Люфтваффе, юнкерсов армадой,
По воздуху несли в "котёл"
В день девяносто тонн снабженья,
Спасая от уничтоженья
В нещадном яростном бою
Шестую армию свою.
Аэродром их был в Тацинской,
Откуда окружённым шла
Доставка. Та в тылу была,-
Недосягаема, неблизко;
И ей, казалось до того,
Не угрожало ничего.

Но генерал Баданов в эти
Столь знаменательные дни,
Подобно русскому медведю,
Все танки корпуса свои,
Разбив несчастных итальянцев,
Что, глупые, пришли сражаться
С великороссами в снегах,
Как говорить, "в пух и прах",
Направил на захват Тацинской,
Неся врагу разгром и смерть,
В тот самый легендарный рейд,
С огромным сопряжённым риском;
И, как при ясном небе гром,

Ворвался на аэродром.

"Как снег на голову." – Суворов
Любил так прежде говорить;
Имел наш гений хитрый норов
В своей "науке победить".

Но было то в года былые;
А ныне- времена иные:
И на врага, уже с огнём,
Не снег обрушился, а гром
Из сотни башенных орудий.
Не верил враг своим глазам;
Не верил он, что может там,
В тылу, на них нагнавши жути,
Явиться целый корпус наш.
Танкисты же, войдя в кураж,

Из танков самолёты били,
Громили весь аэродром
И гусеницами давили,
Что находилось там на нём.
И мы заметим здесь: поскольку
Фортуна храбрых любит только,-
Лишь им она благоволит;
И враг наголову разбит,
Аэродром весь уничтожен;

И в Сталинграде оккупант
Уж не получит провиант,
Да и боеприпасы тоже:
Воздушный был нарушен мост;
В крестах берёзовых погост

Теперь стоит в глазах у Фрица.
Зачем же он пришёл сюда?
Ужели стоило стремиться
Сюда, где волжская вода,
Чтоб сгинуть здесь в снегах навечно?
Теперь наш враг бесчеловечный,
Тут, безнадежно окружён,
Был совершенно обречён.
Тем временем, Манштейн отброшен;
Пред яростной атакой он,
Чуть было, сам не окружён,
Прорвать уж не способен больше
Кольцо блокады, отступил.
Баданов же, громивший тыл

Немецкий, с корпусом вернулся;
Он, нанеся врагу потерь,
Которым оный ужаснулся,
Геройством заслужил теперь
Как в наше время бы сказали:

"Навечно место в славы зале";
Врага премного разгромив,
И доблесть яркую явив,
Тот корпус стал теперь гвардейским;
За этот рейд отныне он
Тацинским будет наречён;
А этот рейд- отважный, дерзкий,
Аэродром повергший в прах,
Легендой будет жить в веках.

Часть вторая.

Уральский Добровольческий Танковый Корпус

"Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены."

А.С.Пушкин

"Audaces Fortuna Juvat" (латинск.)

Удача сопутствует храбрым.
Публий Теренций
Когда в руинах Сталинграда
С зимой врага косила смерть,
Гнобя нещадно супостата,
И им погибнуть, умереть-
Уже как облегченье было,
Когда железную явила

Россия волю тут свою,
В жестоком выстояв бою,
Когда весь мир увидел ясно,
Что наш Союз непобедим,-
Не справиться фашисту с ним,-
Что будет враг разбит, злосчастный,-
Ох, как была ещё пока
Весна победы далека...

Она пока ещё всходила,-
Заря Победы над землёй;
И, ох как много нужно силы
Сломить чтоб меч германца злой:
Сколь самолётов, танков, пушек,
И, чтобы качеством не хуже,
Тех, что имелись у врага,
Пришлось произвести тогда;
Трудились, рук не покладая,
Без отдыха и день, и ночь,
Чтоб супостата превозмочь,
Сверх нормы, и не доедая,
На совесть,- вовсе не за страх,
Не зря мозолей на руках.

И наша Пермь, в строю едином
И трудовом, со всей страной,

Ведома доблестным почином,
Великой славы трудовой,
Что нужно фронту- всё давала.
Но этого, как видно мало
И недостаточно пока,
Чтоб скоро победить врага,
Тогда, в том сорок третьем было;
И на Урале брошен клич:
Победы чтоб скорей достичь,
Быстрей чтоб армия разбила
Всем ненавистного врага,
Сверх нормы сделать, дать в войска

На целый корпус танков новых
И личного состава к ним;
И, хоть танкистов нет готовых,
Их быстро обучить. За сим,
Сыны и дочери Урала,-
Как совесть им повелевала,-
Свершили подвиг трудовой,
Сверх плана дав стране родной
Всего, что требовалось ныне,
Чтоб корпус танковый создать:
"Тридцатьчетвёрок" новых рать,
Что сокрушительный, вражине,
Смертельный, нанесут удар,

И всё другое. Млад и стар,

Рабочий, служащий, колхозник,

Учитель, школы ученик,

И православный, и безбожник,-

Перед Отечеством должник-

Любой, кто долгу чести верен;

И подвиг тоже их безмерен:

Не пожалели ничего

Они для дела, -для того,

Чтобы приблизить час Победы;

И каждый свою лепту внёс:

Трудом, копейкой, сделав взнос.

И вот объявлено в газетах:

Урала верные сыны!

Освободительной войны

Конец пока ещё не близок;

И враг пока ещё силён,

И ждать не стоит компромиссов,

Хоть и побит изрядно он;

Ещё великие сраженья

Для Родины освобожденья

С заклятым предстоят врагом.

За Родину, детей, свой дом,

И за Отечества свободу,

Вас призывают в строй вступить
На танках чтоб уральских бить,
Сверхплана сделанных народом,
Фашиста- смертного врага,
Не будет он добит, пока.

Прикамья, Южного Урала,
Урала Среднего сыны,
Когда их Родина призвала,
В годину тяжкую войны, -
Откликнулись на зов священный;
Ведомы долгом незабвенным,
Шли добровольцы на войну,
Оставив дом, детей, жену,
Не зная: кто из них вернётся...
Но с твёрдой волей одолеть
Врага; и никакая смерть,
Хоть с ней им встретиться придётся,
Не в силах их остановить
И помешать им победить.

Вчерашние герои тыла,-
"От трактора" и "от станка",
И не прошедшие горнило
Жестоких битв ещё пока,
Без опыта, без боевого,

Которым всё казалось ново,-
Теперь, в реалиях войны
С преопытным врагом, они,
Что смогут противопоставить
Уменью, опыту его?
Четвёртый год идёт, с того,
Как в бой вступили панцерваффе
И колоссален опыт их;
Так от Ла-Манша, до самих,

Песков горячих африканских,
От атлантических валов
Прошёл уже танкист германский
До волжских наших берегов;
И с ним по опыту уральцы
В то время не могли сравняться,
Но их вела святая месть:
Чтоб отстоять Отчизны честь,
В бой бросятся они бесстрашно,
И смогут одолеть врага.
Но это позже; а пока
Герои-добровольцы наши,
Народа получив наказ,
И сами поклялись сейчас

Врага разбить, придти с победой:

Незря Урал доверил им,
В беде большой, пришедшей, этой,
Достойным сыновьям своим,
Стальной кулак, разящий громом;
И, долгом клятвенным ведомы,
Они его не посрамят.
И вот сынов Прикамья рать,
Челябинцы и свердловчане-
Все побратимы навсегда,-
Прощаются; и поезда
Их мчат по Родине бескрайней,
На запад, чтоб вести борьбу
За честь, за Родины судьбу.

На подготовку им не много
Отсчитано в то время дней:
Ведь новой битвы, презестокой,
Над Курском поднималась тень;
Вновь Гитлер не желал смириться,
Что неизбежен крах амбиций,
И снова враг заклятый наш
Желал осуществить реванш.
Доселе "Т-34",-
Наш легендарный славный танк,
Созданный инженером так,
Что был непревзойдённым в мире,-

Ещё господствовал в бою.
Но вот промышленность свою,

Мысль инженерную, германцев
Направил Гитлер всю на то,
Чтоб создан был новейший "panzer",
Которому уже никто
Не сможет противопоставить
Ничто в бою; и их поставить
В великом множестве в войска.
Теперь промышленность врага,
Служила коей вся Европа,-
Что в оккупации была,-
На выпуск новых перешла
"Пантер" и "тигров", ими чтобы
Разбить на поле боя нас
В решающий, последний раз.

Так думал Гитлер, – демон ада.
А лучше б, -Бисмарка слова
"С Россией воевать не надо"
Его больная голова
Вспомнила, – пока не поздно.
Но гений злой амбициозный
Обуревал им как всегда;
И вновь немецкая орда,

Лавиною пантер и тигров
Пошла: На Курск, на этот раз.
И разыгрался смерти пляс
На Прохоровском поле, битвой,
Которой мир ещё не знал:
Ни до, ни после видал,

Чтоб танковые две армады
В решающем бою сошлись;
Врата разверзлись, будто, ада
И насмерть схватка,-не "нажизнь":
Огонь и скрежет, пушек грома;
Танкисты, яростью ведомы,
И истекая кровью ран,
В горящем танке, на таран,
Подчас идут самозабвенно;
И жертвуют собой не зря:
Пантеры с тиграми горя,
В баталии той, беспримерной,-
Не победителем потом,
А погребальным, лишь, костром

Останутся на поле боя.
Повержена фашиста мощь;
Сражение то роковое,
Где враг не в силах превозмочь

Советского солдата волю,
И не способен будет боле
На нас масштабно наступать,-
Ознаменует для германца
Фатальный перелом в войне:
Их "панцерваффе" здесь, в огне,
Сгорели, и теперь сражаться
Он будет, отступая, лишь;
И вместо "Lebensraum"(1) -шиш

1. Примечание: "Lebensraum" (нем) – жизненное пространство на востоке, т.е. территория России

Теперь получит на востоке.
Однако, в битве той и мы
Потери понесли премноги...
Но нашими в тылу людьми
Победа день и ночь ковалась,
И наша мощь преумножалась
Всё больше, с каждым днём быстрее;
И становились мы сильнеей.
А что же стал наш враг смертельный?
Хоть обескровлен в битве, он,
Однако, не был побеждён;
И предстоит вновь беспредельный
Кровопролитный ратный труд.

Ну, а сейчас, нам нужно тут

Всесокрушающим ударом
Сломить ослабшего врага;
Уральский корпус наш недаром,
Враг не опомнился пока,
К Дуге был Курской переброшен;
И, чтобы фриц был огорошен,
Вступил он прямо с марша в бой.
Так было суждено судьбой,
Что первое в бою крещение
Уральцам здесь пришлось принять
И опыт первый набирать
В жестоком танковом сраженьи;
И с Прохоровской битвой, лишь,
Сраженье оное сравнишь.

План нашей ставки заключался,
В том, чтоб на севере Дуги
Фриц в окруженьи оказался
Всей группировкой; чтоб враги
Отрезанные от снабженья
Там потерпели поражение,
Погибли иль сдались потом,
В котле огромном под Орлом,-
Чтоб "Сталинград" там повторился;

А чтобы клин железный вбить
И супостата окружить,
Уральский корпус наш вводился;
И он, в той битве за Орёл,
На главном направлении шёл.

План был хорош, но очевиден;
И замысел наш для врага,
Увы, понятен был и виден.
И, мы готовились пока,
Успел там враг и оборону,
Сверхпрочную, в три эшелона,
И минные поля создать,
Да и резервов пособрать.
Как мудрость некогда сказала:
"Предупреждён- вооружён".
А враг ещё был и умён,
И опыта имел немало,
И смертный бой ему не нов;
Он к обороне был готов.

И вот, с таким врагом, уральцам
Придётся в первый бой вступить;
И нужно победить, прорваться,
В глубь обороны устремить
Разящий клин стальной армады.

Преодолеть, однако, надо
Сначала- минные поля,
Богато коими земля,
Предусмотрительно германцем,
В полях усеяна окрест;
Орудий сотни, кои здесь
За каждым кустиком скрываться,
И наших будут поджидать;
А танков, самоходок рать,

На ликвидацию прорыва,
Чтоб окруженья избежать,
Направит их фельдмаршал живо,
Чтоб дальше нам пройти не дать.
Быть обещала битва трудной;
Но вот, июльским ранним утром,
Пошли уральцы в первый бой:
Орудий голос громовой
Всем битвы возвестил начало;
Прошли, чтоб, наши танки днём,
Сапёры прежде, под огнём,
За ночь, пока Светило спало,
Проходы сделали в полях;
Враг, искушённый уж в боях,

Уральцев, в бой рванувших яро,

Стеною плотного огня-
Из артиллерии ударом
Встречал повсюду; и броня
Уже горела. Пламень адский
Хоть воли превозмочь солдатской
Не мог, но танки пожирал,
Танкистов жизни забирал;
И вакханалии кровавой
То – лишь прелюдия была:
Все были впереди дела,
А это- дела лишь началом.
И опыт первый, боевой
Был куплен дорогой ценой...

Как бы там ни было, уральцы,
Уже потери понеся,
Не собирались отступаться;
И, сокрушение неся,
Громя нещадно супостата,
И танки наши, и солдаты
Вперёд, и только лишь вперёд,-
За танком танк, за взводом взвод
Стремилась, шли и днём и ночью;
Врага громя или давя,
Из пушек бья; и вот, спустя
Три дня боёв, тяжёлых очень,

Оборонительный тот вал,
Что немец под Орлом создал,

Преодолеть они сумели.
Враг танковый резерв послал,
Который часа ждал доселе,
И снова пламень запылал
Армад, стальных двух, столкновенья;
Теперь- в Бориловском сраженьи.
Немецкий опытный танкист,
Под пушек гром, снарядов свист,
Нанёс потерь, увы, немало
Недавно севшим за штурвал,
Уральцам; но боёв финал,
В Бориловском аду кровавом,
Лишь об одном нам говорит:
Враг под Бориловом разбит.

Хотя не полностью удался
Командования смелый план,
И немец всё же удержался,
Не угодив в большой капкан,-
Но потерпел он поражение;
Пусть, не попавши в окруженье,
На запад немец отошёл.
И был освобождён Орёл.

И вот, в СССР впервые
Торжественный гремит салют;
И этим почести воздают,
За подвиги их боевые,
Как безусловно ясно нам,
Уральским, в том числе бойцам.

Орловщину освобождая,
По вызженной земле идя,
Солдат наш, в коем месть святая
Была сильней день ото дня,
К победе волей укреплялся,
Хоть и с погибшими прощался,
Он, земляками, много раз;
Ничто уж не могло сейчас,
Когда он видел зверства эти,
Что оккупанты за собой
Оставили в земле любой,
В нём волю умалить к победе.
Войны тотальной хочет враг;
И наш ответ: -Да будет так!

Теперь, когда той битвой Курской,
Ознаменован перелом,
И под ударом танков русских,
В контрнаступленьи под Орлом,

Неся потери, враг отходит,-
Пора иная уж приходит:
Отныне гитлеровцев рать
Способна только отступать.
Хоть фюрер будет бесноваться,
И гром и молнии метать,
И всем, и вся вновь угрожать,
На генералов вновь срываться,-
Закон истории таков:
От волжских наших берегов,

Пружина русская, тугая,
Теперь пошла в обратный ход;
Теперь Фортуна никакая,
Никто, ничто уж не спасёт,-
Ни случай, и ни Провиденье,-
Германию от поражения:
Империя падёт во прах.
Теперь толкает немца страх
Отчаянно за жизнь сражаться;
Теперь захватчика кураж,
Идеологии их блажь-
Развеялись в умах германцев.
Однако же, инстинкт другой
У нации включился той-

Немецкой, великогерманской:
Коль будет русским Рейх разбит,
В кровавой мясорубке адской,-
Германию не пощадит,
Когда войдёт в её чертоги
Солдат советский; за премноги
Свои потери будет мстить;
И немцам, мол, тогда -не жить.
Так Геббельс, гадина презлая,
С трибуны без конца кричал,
К войне тотальной призывал,-
Врал, пропагандой засоряя,
Германцев воспалённый мозг;
Однако же, великоросс

Таких не строил вовсе планов,-
Народ немецкий погубить;
Он, победив на поле бранном,
Стремился лишь освободить
Народы все от деспотии.
Увы, внемля вранью витии,-
Той, Геббельса безмерной лжи,
Что не дадут им россы жить,-
Германцев нация сплотится
В строю едином против нас:
И, с фанатичностью подчас,

Смертельной, немцы будут биться,
Вкушая пропаганды жуть;
Кровав и долог будет путь

Страны родной освобожденья
И стран Европы, что пока
Перед германцем в преклоненьи,
Их кованного сапога
Ещё претерпевают иго.
Тут не получится блицкрига
У нас; погнавши немца вспять,
Ожесточённо воевать
Придётся нам; и жертв немало
В этапах трудного пути
Придётся на алтарь нести
Победы, чтоб заря вставала
На мирном небе голубом
И мир пришёл бы в каждый дом.

* * *

Уральский корпус был направлен
На Брянщину после Орла,
Чтоб ратный путь продолжить славный;
Там первая его нашла
Большая Родины награда:

За то, как гробил супостата,
В Бориловском сраженьи, он,
Теперь был корпус награждён
Почётным званием- гвардейский.
Баданов лично знамя им-
Танкистам доблестным своим,-
Вручил, в традиции армейской;
И Брянщину они пока
Освобождают от врага.

Унечу взяли и другие
Под Брянском, веси, города;
Им партизаны пособили
Богато коих там тогда,
В краю том партизанском было.
И вскоре наше знамя взмыло
Над Брянщиной; и вновь вперёд
Наш корпус вскорости пойдёт,
Теперь уже- на танках новых:
Мощней орудие, броня-
Наш тыл, трудясь, день-ото-дня,
И при конструкторах толковых,
Всё больше фронту поставлял:
Снарядов, техники давал.

Теперь настало время, чтобы

И с Украины фрицев гнать,
А после- дверь уже в Европу,
Немедля, сходу отворять.
Пришёл 44-й, новый;
И корпус наш, к боям готовый,
Стоял и ожидал приказ.
Куда теперь, на этот раз?
Где он ударит по фашисту
Стальным, разящим кулаком?
И где потом пройдёт катком,
Пойдёт куда, в атаке быстрой,
Где будет бить ещё врага?
Лишь Ставка знает то пока.

И вот приказ: на Украину;
Её пора освободить.
И танков мощную лавину
Вновь решено в прорыв послать;
И снова группировку фрицев
Мы будем окружить стремиться:
Чтоб "Первой танковой"(1) их, в тыл,
Клин отсекающий наш бил.
И, по раскисшим, по дорогам,
В грязи, растаявшей весной,
В которой даже танк порой
Тонул, преодолев премного

Дорог военных трудных вёрст,
Пришёл на Украину росс.

(1) Первая танковая- 1-я танковая армия Вермахта под командованием Ганса Хубе

Снабжение всё отставало,
И генерал, известный, "Грязь",
Несущий всем проблем немало,
Здесь воевал уж против нас.
В грязи машины застревали
И вовремя не успевали
За танками они прибыть;
Но Жуков, что руководить
Теперь поставлен наступленьем,
Потребовал его начать,
Чтобы врага врасплох застать,
Взять супостата в окруженье.
И "бог войны" загрохотал,
И огненный обрушил вал

Он на позиции фашистов;
И танки наши в бой пошли.
И натиск был брони неистов,
И танки вскорости смогли,
Хоть не хватало им снабженья,

Но яростным тем наступленьем
Прорвать там фронт, пойти "в обхват";
И немцу новый "Сталинград"
Уже грозил неумолимо.
От слова "Сталинград" теперь
Был в ужасе фашистский зверь
И понимал: необходимо
Обхват наш им предотвратить.
Однако, фюрер отходить

Им запретил категорично.
Безумец этот, как всегда,
Руководил единолично,
И генералов никогда
Не слушал, им не доверяя,
В себя уверовав, считая,
Что Провидение его
Избрало только одного.
Однако, ужас "Сталинграда"-
Им был внушительный урок,
Военным всем пошедший "в прок".
Предельно ясно: срочно надо
Прорыв наш им предотвратить,
А лучше- срочно отходить.

Поскольку Гитлер отступление

Категорично запретил,
То, избежать чтоб окруженья,-
Насколько доставало сил,
Всё бросил Хубе против наших;
И вновь с огромной силой вражьей,
Тяжёлой битвы вновь бои.
Резервы главные свои
Как в топку бросил враг, но снова
Разбив их, русский танк вперёд,
Неукротимый, наш идёт.
Он- наступления основа;
В то время танк -лишь он один
На поле боя господин.

И окружение состоялось;
И Хубе с армией своей
В котле. Но вскоре оказалось:
Враг новых отрядил частей,
Прорвать кольцо чтоб, окруженья
И ей уйти от поражения.
И корпус танковый СС,
Из Франции прибывший, здесь,
Спеша на выручку, ударил
Железной мощью всей своей
Нам с внешней стороны; и в сей
День Хубе, тоже, в контрударе,

Стал вырываться из котла.
И помощь лишь, извне, спасла

Его от полного разгрома.
Потери многи понеся,
И металлического лома
В который техника их вся
Была превращена, оставив,
Он, танки на прорыв направив,
Хотя на волоске висел,
Однако вырваться сумел.
Что это было поражение,-
А может, даже и разгром,-
История речёт о том:
Их фюрер отстранил Манштейна.
Однако, ведь, и нам потерь
Нанёс опять фашистский зверь.

* * *

Теперь, когда был обескровлен
"Тысячелетний" третий рейх,-
Союзникам был обусловлен
В Европе высадки успех.
Нам Черчилль долго врал доселе,-
Хоть врать негоже в этом деле,-
Что будет фронт второй открыт;
Своим витийством знаменит,

Он обещал и в сорок третьем,
И до, и после обещал;
Но всё, по большей части врал.
Но порицать за штуки эти
Не стану сильно я его:
Довольно ведь уже того,

Что помощь шла от них; конвои
Полярные к нам, с риском, шли.
И моряки их те- герои,
Которые суда вели
Под авиации налётом.
Везя нам танки, самолёты,
Торпеды получали в борт,
Но шли и доставляли в порт,
Минуя "волчьих стай" засады,
Снабженье для бригад, полков;
И подвиг этих моряков
Нам тоже забывать не надо.
И вот союзники теперь,
Когда наш танк в Европу дверь

Того гляди, снесёт, и в Польшу,
Уже войдёт, врага грома, -
Решили: оставаться больше
Нельзя им в стороне, срамя

Свои державы перед миром,
Позоря честь своих мундиров.
К тому же, если росс добьёт
Фашиста, то и перейдёт
К нему авторитет в Европе.
И вот, скопив премного сил,
Союзник наш осуществил
Вторжение, и немца гробя,
Количеством, огромным, сил,
Второй он, всё же, фронт, открыл.

* * *

А мы-на Львов. К нему уральцы
Атакой смелой прорвались.
За Львов два дня пришлось сражаться
В боях тяжёлых; но взвились
И надо Львовом флаги наши;
А корпус наш идёт уж дальше,-
И вот- граница! Сан- река:
Невелика, неглубока;
Хоть с нашей Камой не сравнится
Ни ширина, ни глубина,
Но как была важна она,-
Ведь здесь СССР граница.
Солдаты наши уж теперь
В Европу отворили дверь,

Идя, с тяжёлыми боями,
Врага ничтожа и гоня,
Бья, со своими земляками;
Товарищей похороня
Премного на пути том длинном...
Неизмерима боль аршином,
Словами то не описать,
Что дедам нашим испытать
Пришлось, и через что придётся
Пройти, пока добьют врага;
И сколь поляжет их, пока
Победы знамя возовьётся,
Когда падёт фашистский рейх,
Когда наступит мир для всех.

Ну, а пока,— вперёд, за Вислу!
Она форсирована; там
Уже захвачен Сандомирский,
Для наступления, плацдарм.
Враг танковые бросил силы,
Всё, что собрать возможно было,
Чтоб ликвидировать его;
Но смог добиться лишь того,
Что понесся потери многи,
В жестоких за плацдарм боях,

Лишился танков; пали в прах
Большие силы их, в итоге;
А наш плацдарм удержан был.
И вот гром пушек возвестил,

О наступлении начале.

Уральский корпус наш, опять,-
Вперёд! Моторы заурчали
И вновь- в атаку, наступать!
Прорыв удался, танки рвутся,
И все предчувствием влекутся,
Танкисты, что сейчас они,
В январские, вот эти, дни,
Весь ход истории всемирной
Ведут, куда желанно нам;
По белым, этим вот, снегам,
Их танков след в дороге длинной,-
В скрижалях, будто след пера:
Сама история была

Здесь писана тогда уральцем;
И до Силезии самой,
В сраженьях лютых, смог дорваться,-
За шагом-шаг, за боем- бой,-
Дошёл теперь солдат советский.
Силезия,- здесь меч немецкий

Ковался, плавился металл.
И он Германии давал,-
Район промышленный, силезский,-
Железо; Без железа ей
Немного оставалось дней
Сражаться- армии немецкой.
Но вновь и вновь, был каждый бой
Оплачен дорогой ценой.

Министр вооружений- Шпеер,
Доложит Гитлеру о том,
И правду горькую посмеет
Сказать, послав её письмом:
"Война проиграна, мой фюрер:
Промышленности всей структуре
Потребен более всего
Металл. Но мы теперь его
Уже лишились безвозвратно."
И Гитлер в ярость вновь придёт;
Но, что их рейх "великий" ждёт,-
Предельно было всем понятно:
Разгром, и только лишь разгром.
Уральцы сразу же потом

Стремят теперь уже к Берлину-
Туда, где логово врага,

Свою громящую лавину.
Не так дорога далека,
Но враг дерётся фанатично,
Усугубляя лишь трагичный,
И неминуемый финал;
У них теперь и стар и мал,-
В нас гибель свою ложно видя,
Внимая геббельсовской лжи,
Спасти желая рубежи
И нас смертельно ненавдя,
К плечу-плечо вставали в строй,
Пытаясь в схватке роковой

Нести нам пораженья боле;
Вотще надеялись они
Агонию продлить подоле,
В последние для рейха дни:
Судьба для них неумолима,-
Солдат наш шёл неудержимо
В свой главный и последний бой
И силы не было такой,
Чтобы его остановила.
Германский же, теперь, орёл-
Побит был, обескровлен, квёл;
Хребет ему переломила
Десница наша. И о том

Скрижали скажут: "Поделом!"

Когда-то Гитлер собирался
"Медведя" русского загнать
В берлогу; и народу клялся,
Германцам "Lebensraum" дать
За счёт захваченной России.
А ныне- дряхлый и бессильный,
Он, прячась, в бункере сидел,
Осознавая свой удел,
Неумолимый, неизбежный:
И, как логический финал,-
Он с ядом ампулу сожрал,
И, отправляясь в ад кромешный,
В пути не заблудиться чтоб,
Ещё пустил и пулю в лоб.

А славные уральцы вскоре
К Берлину подошли, и вот,
Борьба теперь, врагу на горе,
За логово его идёт.
И вот -Победа! Рейх повержен.
И ликованья безудержен
У нашего солдата пыл;
Но тут приказ, вдруг, поступил:
Уральцам наступать на Прагу.

Там группа армий "Центр" врага,
Боеспособная пока,
Не сдавшись, продолжает драку;
И Прагу, где народ восстал,
Немецкий истребит вандал;

И росс, воззванью чехов внемля,
Спешит на помощь им, в беде:
На чешскую, скорее, землю,
Через Судеты, по гряде,
По горным перевалам, спешно,
Чтоб чехов поддержать мятежных,
С боями рвётся к Праге он.
И вот, ударом потрясён,
С боями, немец отступает,
К союзникам стремясь уйти,
Им сдаться, жизнь свою спасти.
Он нам сдаваться не желает;
Но, окружённых, всё равно
Сдалось их в плен полным-полно.

Уж наше знамя над рейхстагом
Взвилось, и рейх уж рухнул в прах,
И, осенён Победы флагом,
В освобождённых городах
Мир наступил, -столь долгожданный,

Всем человечеством желанный,-
А в Праге – всё ещё бои.
И кто-то истекал в крови,-
Довоевавши до Победы,
Но не доживши до неё...
Он сердце не жалел своё,-
Так воевали наши деды
И подвиг их вовеки свят,-
С Урала молодых ребят.

ЭПИЛОГ

Весна- природы пробужденье;
А той победною весной-
Она,- как символ возрожденья,
Что после бойни мировой,
Апокалипсиса финала,-
Теперь повсюду наступало.
Теперь на пепелищах сёл,
Смертельный где каток прошёл,
Дома вновь строились и хаты;
А на руинах городов,
Домов разрушенных, цехов,-
С победой возвратясь, солдаты,
Пройдя весь путь свой боевой,-
Теперь уж подвиг трудовой

Вершили. Созиданья гений
Народ советский обуял;
Самоотверженно, без лени,
Солдат вчерашний снова встал
К станку, сел в трактор и машину;
И всю гигантскую махину
Всю экономику страны,
Порушенную в дни войны,
Восстановил, привёл в движенье.
Но сколько не вернулось их,-
Кто полегли, в полях чужих,
За Родины освобожденье,-
Они, чьи души в небесах,
Навечно, в наших, все, сердцах.